

можность для аккумуляции и упорядочения психологического материала. При этом актуальными и востребованными являются идеи М.М. Бахтина о необходимости полифонизма и диалога.

Список использованной литературы:

1. Петренко, В.Ф. Многомерное сознание: психосемантическая парадигма / В.Ф. Петренко – М.: Новый хронограф, 2009. – 440 с.
2. Асмолов, А.Г. Кому и как разрабатывать методологию психологии? / А.Г. Асмолов, М.С. Гусельцева // Сибирский психологический журнал. – 2015. – № 55 – С. 645.
3. Мазилев, В.А. Методология психологической науки: история и современность / В.А. Мазилев. – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2017. – 419 с.
4. Мазилев, В.А. Предмет психологии. Монография / В.А. Мазилев. – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2020. – 186 с.
5. Шадриков, В.Д. Внутренний мир человека / В.Д. Шадриков. – М.: Логос, 2006. – 386 с.
6. Шадриков, В.Д. Общая психология. Учебник для академического бакалавриата / В.Д. Шадриков, В.А. Мазилев. – М.: Юрайт, 2015. – 411 с.
7. Бахтин, М.М. Вопросы литературы и эстетики / М.М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1975.
8. Мазилев, В.А. «Золотая ветвь»: М.М. Бахтин и будущее психологии / В. А. Мазилев // Психологический вадетесум. Витебщина М.М. Бахтина. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2018. – С. 10–16.

Пергаменщик Л.А.

БГПУ имени М. Танка, Республика Беларусь, г. Минск

Профессор, доктор психологических наук

ipsy@bspu.by

УДК 159.9

БАХТИН М.М.: ОТКРЫТИЕ ЛИЧНОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В статье представлены результаты анализа интерпретации категории личность в художественной литературе в контексте различных философских подходов с точки зрения М.М. Бахтина. По мнению М.М. Бахтина в личности обретают единство три области человеческой культуры: наука, искусство и собственно жизнь. Философ предлагает механизм познания содержания переживаний личности, который имеет два этапа: этап «вживания» на место переживающего и «выхода к себе», для осмысления пережитого.

Ключевые слова: психология, переживание, личность, М.М. Бахтин.

BAKHTIN M.M.: DISCOVERY OF PERSONALITY IN IMAGINATIVE LITERATURE

The article presents the results of analyzing the interpretation of the category of personality in fiction in the context of various philosophical approaches from the point of view of M.M. Bakhtin. According to M.M. Bakhtin, three areas of human culture find unity in the individual: science, art, and life itself. The philosopher offers a mechanism for understanding the content of personal experiences, which has two stages: the stage of «getting used» to the place of the experiencer and «coming out to yourself», for understanding the experience.

Key words: psychology, experience, personality, M.M. Bakhtin.

Введение. Мысль Бахтина проста и удивительна: в личности обретают единство три области человеческой культуры: наука, искусство и собственно жизнь. Перевернем тезис классика: личность возникает тогда, когда за ее создание берется наука и/или ис-

куство, которые сами исходят из жизни. (Следует отметить, что речь идет о гносеологическом поиске личности, а не об онтологических условиях возникновения). Сложность триединства определяется фактором бытия человека в жизни и в личности одновременно, поэтому, нередко такая связь носит механический характер, когда наука о человеке, забывает, что этот человек, кроме того, что имеет память или внимание, чувства или представления и т.д. существует во времени и пространстве.

Какая же гарантия, что личность возникнет (повторяю гносеологически), когда за ее изучение берется наука, а за ее интонирование – автор (писатель, художник). Появление личности возможно лишь с принятием автором, ученым на себя ответственности за результаты переживания в науке и в искусстве. Отвечаю я своей жизнью за то, чтобы все то, что я переживаю (пережил) в ней не осталось «бездейственным в ней», а было показано в тексте. С ответственностью связана и вина: не только ответственность друг за друга, но и вину друг за друга. Поэт и ученый должен помнить, что в содержании вчерашней жизни есть и его вина. Его литература, его научный текст или как сейчас часто возникает антитекст¹. «Личность должна стать сплошь ответственной: все ее моменты должны не только укладываться рядом во временном ряду ее жизни, но проникать друг друга в единстве вины и ответственности». Эта фраза, на мой взгляд, имеет отношение и к личности созидателя, и к результату созидания: личности творения и научного поиска.

Проследуем за текстами Бахтина, чтобы разобраться в механизме создания (открытия) личности в художественной литературе, чтобы прояснить для себя правомерность использования ее результатов в качестве объяснительных механизмов поведения человека в кризисных ситуациях жизненного пути. Возможно, использование научных текстов и в более широком плане, как уверенно утверждал Теплов Б.М.

Для удобства изложения прочитанных текстов Бахтина будем фиксировать их по пунктам.

Пункт 1. Автор имеет дело с цельным героем, а его отдельные проявления только позволяют зафиксированную цельность, характеризуют ее.

Комментарии академического психолога. Цельным взглядом на личность не может отметиться наука психология. Проведение научного исследования предшествует выделению из целостной личности необходимой для изучения части (эмоция, чувства, память, внимание, поведение, самосознания – список можно продолжать до бесконечности). Исследовательская бесконечность, выделение в личности одну часть из множества неизбежно приводит к разрыву объекта исследования с жизнью, так человека не существует частями и невозможности в дальнейшем присоединить исследованную часть к целой личности. Личность не может остановиться и ждать, когда исследователь завершит процедуру поиска закономерностей, чтобы вернуться к человеку, одарить его новыми знаниями. Личность существует во времени и не может ждать, как и время не может остановиться.

¹ Глобальное загрязнение «мертвыми» словами ноосферу не безобидная активность, прежде всего «ученых»: произошла резкая девальвация слова. Ушла радость восприятия буквы, выходящая из твоего пера. «У письма масса плюсов: в частности, большой контакт с дыханием и телесным ощущением в процессе письма, медитативное замедление и т.д. отмечает Д. Кутузова» или хотя бы из твоей пишущей машинки. Исчезли усилия, исчезла необходимость вчитываться, слова не читаются, а проглядываются. Еще в 20-е годы Бахтин угадывал вину создателей текстов в характере той жизни, в которой мы живем. У современного поколения текст потерял былую роль в определении жизни. Если это так, то для кого, перегоняя друг друга, пишутся современные научные тексты.

Пункт 2. Личность в жизни, в познании, в поступке обретает свою определенность, «свой лик» лишь в нашем отношении к нему, через отношение. Наше отношение определяет личность, его структуру, устойчивую определенность мира человека.

Возможный комментарий академического психолога. Синонимом определенности познания выступает идея И. Канта об активности сознания: до него считалось, что наши знания должны сообразовываться с предметами. И. Кант исходит из того, что предметы должны сообразовываться с нашим познанием. Почему-то эта глобальная, основополагающая гносеологическая идея И. Канта так и не прочитана, не понята и не принята отечественной психологией.

Когда Кант говорит «предмет познания» (личность в нашем контексте), речь идет не о вещах самих по себе, а явлениях, то есть той части действительности, которая вступает во взаимодействие с нашим познанием. (Не о человеке идет речь самом по себе, а тех явлениях человека, с которыми мы имеем дело в процессе познания). И эта часть познаваемой действительности сообразуется с действиями, которые мы осуществляем в меру нашего разума, включена в систему нашего разумно организованного опыта.

Пункт 3. Процедура авторского познания «другого» состоит из двух этапов.

На первом этапе я должен стать на место другого человека, чтобы вчувствоваться в этого другого, ценностно увидеть изнутри его мир так, как он его видит. На втором этапе авторского познания я возвращаюсь на свое место, чтобы восполнить мир другого тем избытком видения, который открывается с этого моего места вне его, обрмить его, создать «другому» завершающее окружение из этого избытка моего видения, моего знания, моего желания и чувства.

Комментарии академического психолога. Бахтин М.М. представил формулу основного продуктивного отношения автора к герою². Это отношение Бахтин определяет через категорию «напряженной **внеаходимости**».

Концепция напряженной внеаходимости объясняет процедуру сбора всего героя, который изнутри себя самого рассеян и разбросан в заданном мире познания и открытым событиям этических поступков.

Только автор из позиции своего места способен собрать своего героя, дополнить жизнь темами моментами, которые ему самому недоступны: полнотой внешнего образа, наружностью, фоном за его спиной, его отношением к событию смерти и абсолютного будущего и прочее. Автор изымает своего героя из «круговой поруки, круговой вины и единой ответственности и рождает его как нового человека в новом плане бытия, в котором он сам для себя и своими силами не может родиться, облекает в ту новую плоть, которая для него самого не существенна и не существует».

Позиция внеаходимости автора герою, позволяет устранить его из поля жизни героя, очистить поле жизни исключительно для героя и для его бытия. Только после такого завершения события его жизни появляется возможность представить героя перед этически безучастным зрителем.

Мы постоянно и напряженно подстерегаем и ловим отражения нашей жизни в сознании других людей (авторов нашей жизни). При этом мы должны учитывать тот совершенно особый ценностный коэффициент, с которым подана наша жизнь для «другого», и его принципиальное отличие от коэффициента, с которым она переживается нами самими в нас самих.

Пункт 4. Пример процедуры внеаходимости. Переживание страдания.

² Автор использует термин герой, академический психолог – испытуемый и это не только терминологическое различие, это принципиальное различие двух стратегий взаимодействия: диалогического в случае с героем и монологического в номотетической части академической психологии.

Перед автором находится человек, переживающий страдание. Его сознания заполнено тем обстоятельством, которое заставляет его страдать, и теми предметами, которые он видит перед собой; эмоционально-волевые тона, объемлющие этот видимый предметный мир, тона страдания.

Я – автор должен эстетически пережить и завершить его (этические поступки – помощь, спасение, утешение – здесь исключены).

Первый этап эстетической деятельности – вживание.

Я – автор должен пережить – увидеть и узнать то, что он переживает, для чего я должен стать на его место, как бы совпасть с ним.

Я – автор должен усвоить себе конкретный жизненный кругозор этого человека так, как он его переживает.

В этом кругозоре не окажется целого ряда трансгredientных его сознанию моментов, доступных мне с моего места. Так, страдающий не переживает полноты своей внешней выраженности, а переживает ее лишь частично, и притом на языке внутренних ощущений. Он не видит страдальческого напряжения своих мышц, всей пластически законченной позы своего тела, экспрессии страдания на своем лице, не видит ясного голубого неба, на фоне которого для меня обозначен его страдающий внешний образ.

Во время вживания я должен отвлечься от самостоятельного значения этих трансгredientных его сознанию моментов, использовать их лишь как указание, как технический аппарат вживания; их внешняя выраженность – тот путь, с помощью которого я проникаю внутрь его и почти сливаюсь с ним изнутри.

Второй этап эстетической деятельности – возврат в себя, к себе.

Но есть ли эта полнота внутреннего слияния последняя цель эстетической деятельности, для которой внешняя выраженность является лишь средством, несет лишь сообщающую функцию? Отнюдь нет: собственно, эстетическая деятельность еще и не начиналась. [Действительно изнутри пережитое жизненное положение страдающего может побудить меня к этическому поступку: помощи, утешению, познавательному размышлению]

За вживанием должен следовать возврат в себя, на свое место вне страдающего, только с этого места материал вживания может быть осмыслен этически, познавательно или эстетически; если бы этого возврата не происходило, имело бы место патологическое явление переживания чужого страдания как своего собственного, заражение чужим страданием, не больше.

Эстетическая деятельность и начинается, собственно, тогда, когда мы возвращаемся в себя и на свое место вне страдающего, оформляем и завершаем материал вживания. Мы восполняем материал вживания, то есть страдание данного человека, моментами, трансгredientными всему предметному миру его страдающего сознания, которые имеют теперь уже не сообщающую, а новую, завершающую функцию. Положение его тела, которое сообщало нам о страдании и вело нас к его внутреннему страданию, становится теперь чисто пластической ценностью, выражением, воплощающим и завершающим выражаемое страдание, и эмоционально-волевые тона этой выраженности уже не тона страдания; голубое небо, его обрамляющее, становится живописным моментом, завершающим и разрешающим его страдание.

(Строго говоря, чистое вживание, связанное с потерей своего единственного места вне другого, вообще едва ли возможно и во всяком случае совершенно бесполезно и бессмысленно).

И все эти завершающие его образ ценности почерпнуты мною из избытка моего видения, воления и чувствования.

Следует иметь в виду, что моменты вживания и завершения (входа и выхода) не следуют друг за другом хронологически, мы настаиваем на их смысловом различении,

но в живом переживании они тесно переплетаются между собой и сливаются друг с другом. В словесном произведении каждое слово имеет в виду оба момента, несет двойную функцию: направляет вживание и дает ему завершение, но может преобладать тот или другой момент. Нашею ближайшей задачей является рассмотрение тех пластически-живописных, пространственных ценностей, которые трансгredientны сознанию героя и его миру, его познавательно-этической установке в мире и завершают его извне, из сознания другого о нем, автора-созерцателя. Это различие в переживании себя и в переживании другого преодолевается познанием, или, точнее, познание игнорирует это различие, как оно игнорирует и единственность познающего субъекта

Комментарии академического психолога.

Бахтин предложил механизм познания содержания страдания, который имеет два этапа: этап вживания, когда автор, став на место переживающего увидеть и узнать то, что он переживает; затем выйти к себе, чтобы материал вживания был осмыслен, когда страдание имеет теперь уже не информационную, а новую, завершающую функцию.

Янчук В.А.

*ГУО «Академия последипломного образования», Республика Беларусь, г. Минск
Доктор психологических наук, профессор,
заслуженный работник образования Республики Беларусь
yanchuk@academy.edu.by*

УДК 159.9

СОЦИОКУЛЬТУРНО-КОНТЕКСТУАЛЬНАЯ ИНТЕРДЕТЕРМИНАНТА ДИАЛОГИЗМА М. БАХТИНА

Анализируются социокультурно-контекстуальные основания диалогизма М. Бахтина. Обосновывается, что понимание психологической феноменологии, в целом, и феноменологии творчества М. Бахтина, в частности, предполагает выявление лежащих в их фундаменте интердетерминант, взаимодействие которых приводит к возникновению нового качества, не представленного в простой сумме составляющих целой частью. Внимание фокусируется на конкретных средовых (или ситуативных) контекстах (условиях) с учетом индивидуально-психологических особенностей личности, совершающей определенные активности в конкретных условиях (хронотопах), сочетание которых обеспечивает обретение качественного состояния сбалансированности во взаимодействии с внешним и внутренним миром. В качестве механизма достижения сбалансированности определяется диалог. Артикулируются характеристики социокультурного контекста, способствующие творческим озарениям или инсайтам.

Ключевые слова: диалогизм; интердетерминанта; психологическая феноменология; социокультурно-диалогическая интердетерминистская метатеория; социокультурный контекст; хронотоп.

THE SOCIOCULTURAL-CONTEXTUAL INTERDETERMINANT OF M. BAKHTIN DIALOGISM

The sociocultural and contextual foundations of M. Bakhtin's dialogism are analyzed. It is substantiated that the understanding of psychological phenomenology, in general, and the phenomenology of M. Bakhtin's work, in particular, presupposes the identification of interdeterrminants lying in their foundation, the interaction of which leads to the emergence of a new quality that is not represented in the simple sum of the constituent parts of the whole. Attention is focused on specific environmental (or situational) contexts (conditions), taking into account the individual psychological characteristics of a person who performs certain activities in specific conditions (chronotopes), the combination of which ensures the acquisition of